

А.З. Бондурянский

МУЗЫКАЛЬНОЕ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЕ ОБРАЗОВАНИЕ В РОССИИ: ВЗГЛЯД В БУДУЩЕЕ

Избрав такую тему, я поставил перед собой сложную задачу. Ведь для того, чтобы попытаться предугадать и спрогнозировать развитие того или иного явления, представить его будущее, необходимы и верный взгляд в прошлое, и точный анализ настоящего положения дел. Рамки доклада и его регламент не позволяют развернуть детальную историческую панораму.

Обращаясь к прошлому российской музыкальной педагогики, мы можем с уверенностью утверждать, что, наряду с высочайшими индивидуальными достижениями композиторов, исполнителей, ученых, одним из фундаментальных завоеваний явилась *система непрерывного профессионального образования*. Представление о необходимости такой системы было определяющим для «отцов-основателей», или, вернее сказать, «братьев-основателей» российского профессионального музыкального образования — Антона и Николая Рубинштейнов.

Созданные ими столичные консерватории (в 1862 году — в Санкт-Петербурге, в 1866 году — в Москве) мыслились как вершина пирамиды, основу которой составляли музыкальные школы, во множестве открывавшиеся по всей большой стране.

Именно музыкальные школы питали своими воспитанниками среднее звено — музыкальные училища Русского музыкального общества (РМО), при открытии которых учитывались такие факторы, как *педагогический потенциал*, география (училище должно было опираться на музыкальные школы региона) и, наконец, *финансовая основа*. Те, кто оканчивал училища, составляли студенческий контингент российских консерваторий¹.

Обратная связь осуществлялась по линии педагогической работы выпускников более высокого звена в более низком. Это во многом обеспечивало ту преемственность,

¹ При этом надо напомнить, что ни одно из училищ РМО не было закрыто в дореволюционную эпоху.

ту стройность системы, ту необходимую взаимосвязь всех ее составляющих, которые стали залогом успешности процесса непрерывного образования, процесса, продолжающегося и в наши дни.

Пирамидальная структура наглядно олицетворяет собой и направление селекционной работы. Понятно, что без этого не может существовать ни одна система образования, тем более, в области художественного творчества.

Разумеется, не все дети, начинающие учиться в музыкальных школах и школах искусств, станут профессионалами. Большая часть их пополнит ряды любителей музыки (если школа не отобьет у них это желание). И здесь — одно из кардинальных различий в подходе к начальному обучению музыке в нашей стране и в странах дальнего зарубежья.

Во главе угла в этих странах стоит воспитание широкого круга достаточно образованных дилетантов, некоторые из которых, проявив желание, могут впоследствии получить профессиональную подготовку, наверстывая самостоятельно или с помощью педагогов (как правило, частных) недостающие навыки и умения. В наших условиях тоже не все становятся профессионалами, но все могут ими стать. И многие из тех, кто не свяжет свою жизнь с профессиональной деятельностью, все же оказываются к ней подготовлены, являясь хотя и дилетантами, но профессионально обученными. И выпускник музыкальной школы, решивший продолжать профессиональную подготовку, должен не наверстывать упущенное, а продолжать совершенствование полученных навыков и умений.

Вот почему предметом заботы Московской консерватории в период обсуждения проекта Закона об образовании Российской Федерации является утверждение позиции ДМШ и ДШИ как основы *непрерывного музыкального образования*; в выступлениях на самых высоких уровнях ректора консерватории, профессора А.С. Соколова, не раз звучало требование придать им статус учебных заведений *«начального профессионального образования»*. В этой связи особенно важно противостоять тенденции превращения ДМШ и ДШИ в учреждения досугового времяпрепровождения.

Сознательно перескакиваю через ступень, чтобы затем вернуться к средним специальным учебным заведениям. А пока поговорим о высшем образовании. В нынешнем году завершается процесс внедрения в российское высшее образование двухуровневой

системы: «бакалавриат» и «магистратура». Можно рассматривать это как свершившийся факт, хотя он и вызывает сожаление.

Анализ причин, побудивших страны Западной Европы сначала внедрить эту систему у себя, а затем дать импульс Болонскому процессу, завоевывающему все больше государств, позволяет выявить следующие основные:

- 1) стремление создать общеевропейское образовательное пространство;
- 2) отказ от всеобщей профессионализации студентов.

Решение первой задачи должно было привести к выравниванию учебных процессов в вузах и равенству вузовских дипломов.

Поначалу основатели Болонского процесса и присоединившиеся к ним государства (в том числе, и Россия) декларировали «уважение к специфическим особенностям национальных образовательных систем» и «признание равноправия аттестационных документов».

На деле же это обернулось стандартизацией учебных процессов в разных вузах и в разных странах, позволяющей студентам мигрировать из вуза в вуз, добывая зачетные единицы. На уровне высшего образования в Европе это имеет свои плюсы и минусы. К первым можно отнести свободное передвижение педагогов и студентов по городам и весям, возможность обогащения новыми профессиональными и общекультурными впечатлениями².

В результате подобной «универсализации» педагог оставляет на время свой класс, а студенты лишаются своего педагога, что в конечном итоге приводит к нивелированию понятий исполнительской, педагогической и научной школ.

Что касается второй причины, то отказ от специализации студентов высших учебных заведений связан с некоторыми особенностями рынка труда в Европе. Учитывая низкую востребованность педагогических кадров в начальных музыкальных школах и средних учебных заведениях, перенасыщенность исполнительских сил в Европе, организаторы и координаторы Болонского процесса предпочли давать студентам вузов возможность получать степень «бакалавра» (т. е. уровень так называемого общего высшего образования) с последующей узкой специализацией в «магистратуре».

² При этом ни педагоги, ни студенты не могут, разумеется, работать или учиться в двух вузах одновременно — в своем и в чужом (что, кстати, далеко не всегда наблюдается в российских вузах).

Таким образом, внедрение двухуровневой системы в России, если бы оно приняло безусловный, всеобщий характер, означало бы окончательное разрушение сложившейся и доказавшей за полтора столетия свою состоятельность системы *непрерывного музыкального образования*. К счастью, этого не произошло.

В этой ситуации Московская консерватория оказалась на какое-то время единственным защитником российской системы высшего образования. Именно наша убежденность в том, что нельзя допустить ее уничтожения, способствовала постепенному увеличению числа сторонников. В конечном итоге, именно благодаря последовательной позиции Московской консерватории и поддержавших ее руководителей других вузов и крупных деятелей искусства, эта борьба увенчалась Постановлением Правительства, утвердившего пятилетний «специалитет» по всем музыкальным специальностям. Теперь музыкальные вузы могут либо выбирать, по какой системе строить учебный процесс, либо внедрять обе системы.

Говоря о непрерывном образовании, я сознательно не затрагивал пока проблему среднего звена: училищ и средних специальных музыкальных школ. Это звено оказывается при нынешнем положении дел наиболее уязвимым.

Что бы ни говорили защитники «бакалавриата», им придется, в конце концов, считаться с европейской практикой, которая не требует для поступления на «бакалавриат» специальной профессиональной подготовки и не предполагает для выпускников никакой профессиональной квалификации, кроме степени «бакалавр». Выпускники же училищ и ССМШ сейчас получают профессиональные квалификации. Однако в наш век практицизма нетрудно предположить, что выпускник обычной образовательной школы-одинадцатилетки, имея свидетельство, скажем, об окончании ДМШ, предпочтет поступить сразу в вуз и через четыре года стать бакалавром, чем те же четыре года учиться в училище, и лишь затем поступать в вуз. Понятно, что «вымывание» среднего звена неизбежно приведет к обрушению пирамиды.

Именно «специалитет», предполагающий для поступления в вуз обязательное наличие у абитуриента знаний и умений на уровне среднего учебного заведения, обеспечивает существование и необходимость училищ и ССМШ. Сегодня мы можем говорить о том, что, сохранив в качестве одной из основных моделей высшего музыкального образования пятилетний цикл, нам удалось еще раз подтвердить жизнеспособность системы *непрерывного профессионального образования*.

Означает ли это, что мы можем почивать на лаврах? Отнюдь нет. Любая традиция хороша, когда она жива и творчески развивается.

Без постоянного совершенствования система обречена на вырождение в пустую форму, лишенную живого содержания. Поэтому не нужно бояться заимствовать из других систем все ценное, что может быть обращено во благо российскому музыкальному образованию. Кстати, это еще одна устойчивая традиция, восходящая к братьям Рубинштейнам.

Приведу довольно показательный пример: двухуровневая система предполагает различие компетенций каждого уровня. Требования к определению компетенций выпускника вуза предъявляются сейчас и в программах «специалитета». Внимательное прочтение прописанных в действовавших до недавних пор государственных стандартах компетенций среднего специального и высшего звена обнаруживало повторность, относящуюся и к отдельным программам (как исполнительским, так и теоретическим), и к присваиваемым квалификациям. При разработке новых Государственных стандартов мы пытались ликвидировать это «топтанье на месте».

И таких проблем будет возникать еще немало. Нам придется решать вопросы формального приравнивания диплома специалиста к диплому магистра, нашей аспирантуры к научной докторантуре, а ассистентуры-стажировки — к исполнительской докторантуре. Причем речь идет о приравнивании де-юре, ибо де-факто достоинство наших дипломов нигде и никем не подвергается сомнению. Существуют различные пути: это и взаимное признание дипломов, и совместные защиты диссертаций (то, что уже практикуется ведущими университетами).

Сегодня мы находимся у той стартовой точки, с которой в российском музыкальном образовании начнется процесс сопоставления двух систем. Они разные, у каждой — свои цели и задачи. Мы уверены, и исторический опыт доказывает это, что цели воспитания музыканта-профессионала (композитора, исполнителя, ученого) лучше всего служит идея непрерывности образования, с присущим ей комплексным подходом к формированию художественной личности. Именно это и определяет оптимистический взгляд в будущее.